

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

СТРАНИЦЫ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА*

ПИТИРИМ СОРОКИН

Часть V
1921 — 1922 гг.

Глава 26
Изгнание

В мае 1922 г. началось издание моей книги «Влияние голода на поведение людей, общественную жизнь и социальную организацию». Перед публикацией многие параграфы и даже целые главы были вырезаны цензорами. Книга как целое была разрушена, но то, что осталось — все же лучше, чем ничего. Советская «война на идеологическом фронте» ведется сейчас очень энергично. Автономия университета ликвидирована полностью. Ректор, деканы и профессора уволены, общие и факультетские собрания запрещены. Исключены многие студенты-некоммунисты. В вузы разрешено теперь поступать только коммунистам и молодежи, рекомендованной властями. Запрещены все некоммунистические журналы. Кооперативные организации, выросшие за последние месяцы, «огосударственны». Мы живем практически без средств к существованию, ожидая каждый день нового удара. Тем не менее надежда нас не оставляет. В стране появились несомненные признаки возрождения. Что-то шевелится в глубине наших сердец и душ под руинами нашей цивилизации — это жизнь и дух новых людей. Что бы ни случилось с нами, рождение новой России налицо. Необходимо лишь время, чтобы эти новые силы окрепли настолько, чтобы заставить себя почувствовать. Мы можем ждать, так как годы воспитали в нас терпение.

Что представляют из себя эти новые созидательные силы? Давайте не будем говорить об этом сейчас: время еще не при-

* Продолжение. Начало в 1 номере.

шло для того, чтобы обсуждать их, не подвергая опасности. Придет срок — мир их увидит.

10 августа 1922 года я уехал на несколько дней из Петрограда в Москву. Прямо со станции я пошел к товарищу, предложившему остановиться у него на квартире. Мы позавтракали и разошлись, договорившись вернуться к 5 часам. Сходив по делам и посетив друзей, я вернулся в срок, но товарища дома не оказалось. Не пришел он и к 6, и я начал волноваться. В 7 часов появился студент, спросивший жену хозяина. Я ответил, что ни ее, ни мужа нет дома, и предложил оставить для них записку. Внимательно взглянув на меня, студент спросил: «А вы кто?» Когда я представился, он сказал: «Профессор, уходите отсюда немедленно. Ваш друг арестован, чекисты могут быть здесь с минуты на минуту».

Взяв свои вещи, я вышел на улицу и ждал там до того момента, пока появилась жена товарища. Согласовав с ней ближайшие действия, я отправился к другому приятелю. Увы, он тоже был арестован. Несколькими часами позже мы узнали, что арестованы профессора Кизеветтер, Франк, Бердяев и Ясинский, Софронов и Озеров, Мякотин и Пешехонов, Осоргин, многие другие видные ученые, писатели и кооперативные деятели (всего около 150 человек). Были взяты также и многие студенты. Очевидно, начался большой террор, который мог проявиться и в Петрограде. Все сомнения по этому поводу рассеялись, когда я на следующий день прочел телеграмму жены, отправленную на адрес моего товарища: «Пожалуйста, задержи моего сына. В нашем доме скарлатина».

Вскоре мы узнали, сколь своевременным для меня было это предупреждение. В Петрограде были арестованы профессора Лосский, Карсавин, Зубашев, Лутохин, Лапшин, Одинцов, Селиванов, Бруткус, Занятин и другие (всего около сотни), а также многие студенты. Чекисты приходили и по моему петроградскому адресу, где в квартире г-жи Д. нашли ее умирающую младшую дочь Надю. Муж и врач убедили чекистов в моем отсутствии и упросили не мучить больную женщину тщетным обыском. Чекисты все же прошли по комнатам и, лишь убедившись, что меня действительно нет, милостиво согласились обойтись без дальнейшего шума и даже не оставили поста.

В Москве я был в сравнительной безопасности, так как немногие здесь знали меня в лицо. Я посещал театры и концерты, музеи и даже библиотеку коммунистической академии. Через неделю появились слухи об арестованных профессорах. Говорилось, что они будут не казнены, а высланы. Вскоре

слухи эти были официальные подтверждены статьей Троцкого в «Правде». «Эти люди, — говорилось в ней, — не могут и не будут заключать мир с коммунизмом. Как только начнутся какие-либо политические неурядицы, мы будем обязаны уничтожить их как злейших врагов. Чтобы избежать этой бойни, давайте лучше экспортируем этот «товар» за границу. Выслав их, мы избавимся от наших худших врагов. Таким образом мы ослабляем силы, действующие против нас, и укрепляем нашу собственную базу».

Арестованных начали освобождать. Власти предупредили их о предстоящей высылке. Каждый должен был подписать две бумаги: одну с обещанием покинуть страну в течение 10 дней, другую — с декларацией о том, что если он вернется в Россию без разрешения Советского правительства, то будет казнен. Если кто-то протестовал, что не имеет денег или визы на въезд в другую страну, то слышал в ответ: «Получите визы. Если не сможете, все равно будете высланы, но уже на север Сибири». Жертвы получали визы, к удивлению, без больших трудностей. Правительства Чехословакии, Германии, Латвии и Эстонии предоставляли их сразу и без формальностей. Как только стала известна судьба моих арестованных коллег, я решил, что лучшее, что могло бы со мной случиться, — это и есть высылка за границу. Я не мог ничего больше сделать для моей страны, я жил нелегально и рано или поздно все равно был бы арестован. Тогда меня ожидало бы либо бесконечное заключение, либо смерть от голода и холода в Сибири. Если уж мне суждено было жить, то жить я хотел только с пользой. Здесь же, отрезанный от иностранной литературы, я ничего не мог знать о ее развитии. Все эти мотивы требовали от меня не пропустить благоприятный момент для высылки, и поэтому я отправился в Петроград, чтобы быть арестованным.

Прекрасным сентябрьским утром я приехал в Царское Село. Жены не было дома, и я сам начал собирать тюремный мешок, сложив в него продукты, белье и 2 или 3 книги, чтобы рассеять скуку заключения. Когда жена вернулась, она попыталась отговорить меня от такого намерения: все, кто были арестованы в царстве Гришки Третьего, находились в тюрьме, и никто не знал, будут ли они высланы вместе с москвичами. Жена показала мне экземпляры «Петроградской правды» и «Красной газеты» с яростной критикой и угрозами в мой адрес. Все же я думал, что лучше мне быть арестованным и, захватив тюремный мешок, в сопровождении жены отправиться в Петроград. По пути мы встретили товарищей, поддержав-

ших мою жену, а меня назвавших сумасшедшим. «Если Зиновьев и его команда не расстреляют тебя сразу, — говорили они, — ты будешь выслан не за границу, а в Сибирь».

Наконец, я согласился с тем, что если уж быть арестованным, то лучше в Москве. На следующее утро я туда и отправился. Со своим тюремным мешком я явился в ЧК и через некоторое время был допущен в кабинет чиновника, ответственного за дела высылаемых ученых.

— Моя фамилия Сорокин, — сказал я ему. — Ваши товарищи в Петрограде приходили арестовать меня, но я был здесь, в Москве. Я вынужден прийти и узнать, что вы со мной собираетесь делать.

Чекист, молодой человек с бледным лицом кокаиниста, махнул рукой.

— У нас в Москве полно людей, с которыми мы не знаем, что делать. Возвращайтесь в Петроград, и пусть вашу судьбу решает тамошнее ЧК.

— Спасибо, — сказал я. — В Петроград я не вернусь. Хотите меня арестовать — делайте это здесь. Если нет, то я как свободный гражданин решаю остаться в Москве или в любой другой части России, но не в Петрограде.

— Это невозможно, — сказал он, но после минутного раздумья добавил. — Все университетские, арестованные нами, должны быть высланы за границу. Подписывайте эти две бумаги и в десятидневный срок покиньте территорию РСФСР.

Я охотно подписал и поинтересовался, куда обратиться за паспортом.

— В Комиссариат иностранных дел. Я как раз собираюсь сообщить им о вас.

— Могу я быть свободен?

— О, конечно!

Выйдя из ЧК, я послал телеграмму жене, чтобы она продала все наше имущество и приехала ко мне в Москву. Поскольку ничего, кроме остатков моей библиотеки, для продажи у нас не было, ее задача была легкой. Я бы предпочел уезжать из России через Петроград и Гамбург, но, зная методы Зиновьева и петроградского ЧК, хватавших людей без ведома центральных властей, я решил ехать из Москвы в Ригу, и как можно скорее!

Процесс получения паспортов и разрешений оказался трудным и раздражающим. В Комиссариате иностранных дел меня предупредили, что на оформление паспортов необходимо 5—6 дней.

— Но если я должен покинуть страну в течение 10 дней, то мне просто не хватит времени для получения визы и всех разрешении ваших проклятых комиссариатов! — воскликнул я.

— Это не наше дело, — прозвучал равнодушный ответ.

— Нет, это ваше дело, поскольку ваше правительство высылает меня в 10 дней, — настаивал я.

— Хорошо, вы получите свой паспорт через 3 дня.

— Я должен получить его завтра!

— Это невозможно.

Полный решимости сделать все возможное, я отправился к Карахану, исполнявшему обязанности министра иностранных дел в отсутствие Чичерина. Карахан был другом моих студенческих лет, и было очень любопытно увидеть его в качестве большевистского чиновника. Когда я предложил мою карточку секретарю, он заявил, что Карахан занят и принять меня не сможет. В это время в комнату вошел человек и поздоровался со мной. Он оказался бывшим моим студентом в Психоневрологическом институте.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался я.

— О, я заведую отделом информации в Комиссариате иностранных дел, — ответил он гордо. — Вы читали в газетах статьи Кольцова? Это мой псевдоним.

Я сказал, что читал, и он горячо поинтересовался моим впечатлением.

— То же, что и о вашем правительстве, — ответил я. — Вот этот парень отказывается послать мою карточку его высокопревосходительству. Пожалуйста, заставьте его сделать это.

Они пошептались и исчезли. Вскоре в дверях, охраняемых тремя чекистами, появился Карахан.

— Здравствуйте, Питирим Александрович, — сказал он. — Рад вас видеть, входите.

Комната была комфортабельно и даже роскошно меблирована. Карахан, некогда худой и изможденный, выглядел теперь вполне упитанным и здоровым.

— Ваше превосходительство, — начал я полушутя, — вы конечно знаете, что я изгнанник. Ваши подчиненные отказываются дать мне паспорт ранее чем через три дня. Это меня не устраивает. Не будете ли вы столь добры приказать приготовить мой паспорт к завтрашнему утру?

— С большим удовольствием! — ответил он и дал распоряжение по телефону. -- Завтра он будет готов. Для вас это будет сделано бесплатно.

Я поблагодарил его, хотя у меня отнюдь и не было намерения платить. Паспорт я действительно получил, но не на следующее утро, а еще через день. «Expulsee»* было написано на нем по-французски. В тот же день я получил чехословацкую, германскую, латвийскую и литовскую визы. Теперь у меня было несколько лицензий, а также разрешение Комиссариата образования взять с собой рукописи и по одному экземпляру всех моих книг, статей и памфлетов. Было и разрешение Комиссариата внешней торговли, согласно которому я мог взять с собой одно старое пальто, 2 старых костюма, 2 полотенца, 2 простыни, 5 рубашек и 5 штанов. Необходимо было и разрешение Комиссариата финансов, чтобы взять 50 долларов, одни часы и два обручальных кольца. Еще три дня я потратил на получение этих проклятых разрешений.

Все мои рукописи были тщательно просмотрены, пронумерованы и проштампованы цензорами. Большое подозрение вызвали ботанические материалы моей жены. Только после многих заверений нам удалось убедить их, что в невинных гербариях и препаратах нет ничего секретного. В Комиссариате финансов, к нашему удивлению, разрешения выдавал один из наших коллег, также подлежащий высылке. В последний момент ему неожиданно запретили выезд и послали работать на прежнее место. Вчера высылаемый преступник, сегодня он был советским чиновником, выдающим лицензии своим «подельникам». Нельзя было не смеяться над этим абсурдом.

Один из своих последних визитов я нанес коммунистическому лидеру Пятакову, человеку, бывшему моим студенческим другом. Я пошел навестить его ради нашего общего прежнего товарища, томящегося в тюрьме и серьезно больного. Пятаков обещал сделать все, что в его силах, поделился своими планами написания статьи на мою критику бухаринской работы «Теория марксизма».

— Пятаков, позвольте спросить вас, — обратился я к нему. — Вы действительно верите в то, что строите коммунистическое общество?

— Конечно, нет, — ответил он искренне.

— Вы признаете, что ваш эксперимент провалился и что вы строите примитивное буржуазное общество? Тогда зачем вы нас высылаете?

— Вы не учитываете, что в России идут два процесса. Первый — создание буржуазного общества, второй — приспособление к нему Советского правительства. Первый про-

* Изгнанник (фр.)

цесс идет быстрее, что влечет опасность нашему существованию. Задача в том, чтобы замедлить развитие первого процесса, но вы и подобные вам ускоряете его. Вот поэтому вас и высылают. Возможно, через 2—3 года мы позовем вас назад.

— Благодарю, — сказал я. — Надеюсь вернуться на родину без вашего приглашения.

Серым полднем 23 сентября 1922 года на московском железнодорожном вокзале собралась первая группа изгнанников. В ней были правление сельскохозяйственного кооперативного союза и другие видные деятели кооперации, Пешехонов, бывший министр правительства Керенского, профессор Мякотин, лидер народной социалистической партии, их жены и дети и мы с женой. В латвийскую дипломатическую машину, зарезервированную мною, я положил два чемодана. «Omnia mea mecum porto», — с полным правом я мог сказать о себе. Я покидал Родину в паре башмаков, подаренных чешским ученым, в костюме, полученном от администрации американской помощи (АРА), и с пятьюдесятью долларами в кармане. Все мои компаньоны были в аналогичном положении, но никто из нас особенно не беспокоился. Стандарт жизни, к которому мы привыкли здесь, мы могли получить где угодно. Несмотря на запрещение властей, нас пришло проводить много друзей и знакомых, с цветами, слезами и рукоплесканиями. Мы жадно пожирали глазами их лица, уплывающие московские улицы, последние виды отечества. Во время путешествия мы вынимали из карманов и читали письма, посланные всем нам крестьянскими кооперативными организациями, студентами, профессорами, рабочими и другими людьми.

— Вы изгоняетесь не народом, а интернационалистскими отбросами, — говорилось в этих прощальных письмах. — Россия с вами, вы с Россией. Страдает Россия — страдаете и вы. Когда придет день России, вы вновь будете с нами.

Мы уничтожили эти письма, чтобы они не попали на границе в руки чекистов.

На следующий день мы достигли границы.

— Наши приветствия Москве! Приветствуем Петроград! Привет Новгороду! — телеграфировали мы назад, пока чекисты обыскивали наши чемоданы. Через полтора часа мы проехали мимо красного флага, и Советская Россия осталась позади. Впервые за последние 5 лет мы легли спать, не спрашивая себя, придут сегодня за нами или нет.

Уже через неделю в Германии я прочел мою первую лекцию о положении в России. Стало ясно, что я уехал очень

вовремя. Первое же письмо, полученное здесь, гласило: «Наша бабушка (читай — ЧК) очень жалеет, что отпустила тебя без своего последнего и вечного благословения (читай расстрела)». В берлинской газете «Дни» я прочел, что «на заседании народных комиссаров в Москве руководитель ЧК тов. Уншлихт и комиссар иностранных дел Карахан были подвергнуты критике за то, что позволили г-же Кусковой и профессору Сорокину уехать за границу». Моя книга о голоде была уничтожена советскими властями.

По приглашению президента Масарика я выехал в Прагу и имел удовольствие встретиться с ним и другими видными представителями чехословацкого общества. Здесь я возобновил свою работу и написал «Социологию революции». Вместе со многими друзьями я работал по организации журналов «Ферма» и «Крестьянская Россия» и оказанию помощи сельскохозяйственному институту и сельскохозяйственным и кооперативным школам в Чехословакии по подготовке крестьянских лидеров будущей России. Многие тысячи студентов учились сами и учили других во имя возрождения нашего отечества. Вместе с ними я испытывал радость общения с народом Советской России. Наша новая сильная творческая жизнь давала ростки как дома, так и за границей.

В ноябре 1923 года я приехал в США читать лекции в университетах. Здесь я и написал, опираясь на дневники и память, эти воспоминания.

Что бы ни случилось в будущем, три вещи навсегда останутся моими убеждениями. Жизнь, даже тяжелейшая жизнь, является наиболее прекрасным и удивительным сокровищем. Выполнение долга — еще одна вещь, делающая жизнь счастливой и дающая душе непобедимую силу поддерживать идеал. Это мое второе убеждение, а третьим является то, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не смогут создать интеллектуальный, моральный или материальный золотой век.

Часть V Тридцать лет спустя

Глава 27

Русская революция как гигантский успех и колоссальная неудача

С тех пор, как были набросаны эти заметки, прошло почти 30 лет. Четверть столетия назад они были опубликованы. За это время Революция достигла зрелости. Она обернулась и **гигантским успехом, и колоссальным поражением.**

Революция как гигантский успех

Первый успех Революции состоял в том, что она **выжила в очень трудных условиях, в окружении мощных врагов.** Она восторжествовала над внутренними врагами в гражданской войне, выдержала первое совместное вторжение англо-американо-французских экспедиционных сил. Успешно она совлала и с последующим военным давлением иностранных держав. Она не задохнулась в петле «cordon sanitaire» и не умерла от экономического истощения, организованного ее врагами. Она выдержала ужасный штурм гитлеровских и европейских легионов и втоптала их в пыль. И, наконец, она все еще противостоит — бесстрашно, неумолимо, спокойно и более могущественно, чем когда-либо прежде — всем силам, выстроенным против нее доктриной Трумена, планом Маршалла, Атлантическим пактом и Ватиканом, не говоря уже о меньших группах, альянсах, отрядах и лицах, добывающихся ее поражения.

Второй гигантский успех революции — это ее **тотальный неограниченный** характер. Русская революция была не просто политической, или экономической, или религиозной; она была и политической, и экономической, и религиозной, и семейной, и образовательной, и научной, и художественной, и философской. Она попыталась революционизировать все основные социальные институты — от семьи до бизнеса и государства; все элементы культуры — от науки и философии до религии, поэзии и музыки; и весь менталитет, и самое поведение индивида от колыбели до могилы. В этом смысле, возможно, это была **самая безграничная революция в истории человечества.**

Третий ее успех — **беспрецедентный размах и всемирное распространение.** Даже если бы она была ограничена одной Россией, ее масштаб не имел бы параллелей в человеческой истории. Несмотря на все «cordon sanitaire» в течение 30 лет,

она распространилась по всему миру. Сейчас с китайскими и другими союзниками она имеет по крайней мере четверть человечества в качестве последователей. В любой стране, включая наиболее антикоммунистические и антисоветские, она имеет значительную «пятую колонну», состоящую из групп и лиц, впечатляющих своей энергией, фанатизмом и враждебностью. Даже интеллектуально масса ее приверженцев выше рядового «буржуазного населения». Это беспрецедентное распространение имело свои подъемы и спады, но все же оно продолжает расти.

Четвертый успех состоит в том, что она изменила даже своих непримиримых врагов по своему образу и подобию. Сражаясь с Революцией, они восприняли многие ее черты, против которых, собственно, и боролись. Воюя против революционного тоталитаризма, деспотизма, ограничения неотъемлемых прав и свобод индивида, правительственного контроля над бизнесом, против национализации и коммунизации экономики, развития шпионажа и т. д., эти антисоветские и антикоммунистические правительства и группы ввели в своих странах большинство пороков и ужасов Революции, но под другим именем и цветом. К счастью, революционные болезни развились там не до такой степени, как в Советской России. Тем не менее сами антикоммунистические группы уже инфицированы и заражение это усиливается. Техника работы таких комитетов, как Комитет по антиамериканской деятельности и секретная политическая полиция, начинают безошибочно напоминать технику ГПУ и НКВД. Растущие ограничения прав и свобод коммунистов и их попутчиков, всех «подрывных элементов» и всех, кто находится в оппозиции политике властей — все это просто коммунистические модели отрицания прав и свобод их собственных противников... Коммунистическая Революция может действительно гордиться «обращением» своих непримиримых врагов. Какой триумф!

Но величайший успех, достигнутый Революцией — это ее двойная роль могильщика и червя дезинтегрирующегося чувственного (капиталистического, материалистического, светского, приобретательского) социально-культурного уклада Запада. Эта чувственная форма западной культуры общества вытеснила средневековые формы и доминировала в течение последних пяти веков. Достигнув огромных успехов в период своего господства, чувственный уклад начал проявлять безошибочные признаки упадка, уменьшения созидательности: (Детально о развитии и проявлении этого смотри в моих работах «Социальная и культурная динамика» (4 тома) и

«Кризис нашей эпохи»). Первая мировая война и была первым ударом этой дезинтеграции. Русская Революция, родное дитя этой войны, была вторым ударом. После них последовала целая серия катастроф: антикоммунистические, фашистские и нацистские революции, растущая дезинтеграция экономики, деморализация правительств, интеллектуальная, моральная и социальная анархия, и, наконец, катастрофический тромбоз Второй мировой войны с последовавшими за ней революциями по всему свету и подготовка самоубийственной Третьей мировой войны. В этих ударах по чувственному укладу Запада русская Революция сыграла решающую роль. Будучи его чудовищным ребенком, Революция развила (кажется, в наиболее злобной форме) вирус чувственной дезорганизации, ставший главным могильщиком и наиболее прожорливым червем социально-культурного чувственного тела Запада и, в конце концов, самой Революции. Она успешно пожирает умирающий чувственный уклад и таким образом пожирает себя.

Итак, революция очищает почву от осколков умирающего социально-культурного уклада и мостит дорогу для уклада нового — идеалистического или интегрального. Во всех этих отношениях она действительно является гигантским успехом, который, вероятно, будет нарастать до тех пор, пока умирающий чувственный уклад не будет погребен, а новый созидательный уклад — создан.

Революция как колоссальная неудача

Разрушительный успех Революции полностью уравновешивается ее колоссальным провалом в качестве конструктивной, созидательной силы.

Творческий провал Революции проявляется прежде всего **на высших уровнях творчества практически во всех сферах культуры: там ей не удалось породить гениев высшего класса.** Более того, она едва ли создала кого-либо, способного соперничать не только с гениями прошлого, но и с творческими лидерами, рожденными и обученными при старом режиме, но все еще живущими и работающими. Практически все начертанные знамена имена, которые выставляются Советами в качестве своих величайших творцов, — это люди, подготовленные при старом режиме и тогда же совершившие значительную часть своей творческой работы.

Нынешние советские **музыкальные лидеры** — Прокофьев, Мясковский, Глиэр, Ипполитов-Иванов, Шостакович, Хачатурян, Кабалевский -- родились, были обучены и начали свою

карьеру при старом режиме. 30-летняя русская Революция не произвела ни одного имени, которое могло бы быть поставлено даже советской пропагандой в этот ряд. На высшем уровне революция до сих пор была музыкально стерильна.

Регламентацией свободного творчества она подавила или удушила многих творцов. Другие, подобно Рахманинову, Глазунову и Гречанинову, вынуждены были бежать из России...

...Все сказанное относительно музыкального творчества верно и применительно ко всем другим изящным искусствам... Практически все литературные и поэтические советские звезды родились и творили до Революции... Она убила или лишила свободы нескольких видных поэтов и писателей, таких, как Н. Гумилев, Е. Замятин, Б. Пильняк, Шмелев, И. Бунин (Нобелевский лауреат), К. Бальмонт, И. Северянин и др. Еще большему числу писателей правительство надело намордник, и они физически были лишены возможности творческой работы (Ахматова, Пастернак) ...Конец 19—начало 20 веков были у нас периодом замечательного литературного Возрождения... Революция, удушив этот Ренессанс, и в этой сфере вошла в эру стерильности.

...Еще более плачевным было влияние Революции в сфере **религии, философии, гуманитарных и социальных наук, этики и права.** В сфере **религиозного творчества** она характеризовалась на ранней стадии исключительно решительным преследованием, позже — попытками использовать религию в политических целях. И то, и другое старо и практиковалось многими слабоумными политиками. Революция не смогла создать даже оригинальной коммунистической идеологии, философии или культа (если мы можем назвать коммунизм — «религией»). Ее революционные парады и ритуалы, демонстрации и массовые митинги являются просто разновидностями старых политических парадов или демонстраций военного ритуала...

...За 30 лет Революция оказалась не в состоянии создать даже оригинальную или творческую версию диалектического материализма или марксистской философии. Созданное в работах Ленина, Бухарина, Деборина, Сталина (не говоря уже о мелких «пророках») является упрощенной и вульгаризированной версией формулировок диалектического материализма или материалистической философии в целом. Все другие направления в философии преследовались советскими властями...

...К сожалению, колоссальный провал имеет место не только на высших уровнях, но и **на значительно более низком, прозаическом и крайнем жизненном уровне созидания, улуч-**

шение которого является *raison d'être** — святая святых и¹ единственным оправданием для самой Революции.

Она обещала создать **новую коммунистическую или социалистическую форму общества, несравненно лучшую, чем капиталистическая или любая другая форма социальной организации, известная истории.** Экономически, политически, интеллектуально, морально и даже биологически это коммунистическое или социалистическое общество Революции должно было стать своего рода раем на земле. Каждый служил бы соответственно способностям и получал бы соответственно потребностям. Бедность, неравенство, эксплуатация и несправедливость должны были быть ликвидированы; высокий материальный уровень жизни, свобода для каждого в развитии личности, свобода от всех форм эксплуатации и несправедливости, от тиранического правительства, правительство как мудрый и истинный слуга народа, свободно избираемый и отзываемый, отмена смертной казни и других «варварских» форм наказания, расцвет творчества во всех его формах, всеобщее счастье и прогресс — вот некоторые из обещанных Революцией чудес нового общества.

Через 30 лет вместо всего этого мы находим очень старую и очень знакомую разновидность тоталитарного или полицейского государства, совершенно отличную от обещанного утопического общества Революции. Через 30 лет строительства, оплаченного миллионами человеческих жизней, принесенных ему в жертву, несказанными страданиями еще большего количества людей, Революция построила просто разновидность коммунистическо-тоталитарного типа общества... Реальное общество, созданное Революцией, оказалось разновидностью того типа, который в заявлениях самого советского правительства оценивался как очень старый, очень деспотичный, очень угнетающий, очень несправедливый и очень плохой — так коммунистические лидеры характеризовали все прошлые типы тоталитарных обществ. Некоторые из наивных коммунистических идеологов, возможно, верят, что так как они сами являются все контролирующим и все решающим правительством, их тоталитарная разновидность совершенно отлична от прошлых разновидностей. Такая наивность, однако, вряд ли разделялась большинством боссов Революции и еще менее может быть принята историей, народом и человечеством в целом. Потерпев трагическую неудачу в этом решающем

* Смысл (фр.)

пункте, Революция потерпела неудачу и в отношении всех других важных сторон построенного общества.

А. Революция обещала значительно поднять уровень жизни люден. Через 30 лет он все еще ниже дореволюционного. Значительная часть Европейской России все еще лежит в руинах. Ссылки на Вторую мировую войну не оправдывают эту неудачу: без русской Революции фашизм и нацизм вряд ли были бы возможны, а без них вряд ли была бы и сама война. О достижениях или неудачах любого правительства судят в соответствии с действительными условиями и фактами, а не в соответствии с такими идеальными условиями, как: «если бы мы не имели оппозиции, если бы не было внешних врагов, если бы люди были мудры и с энтузиазмом следовали нашим решениям, если бы были идеальные X, Y и Z»; при таких условиях любой режим и любое слабоумное правительство было бы успешным...

Не стоит советскому правительству или его защитникам говорить о мировой индустриализации и урбанизации страны и огромном росте производства. Действительные данные показывают, что темпы промышленного и экономического роста России в период с 1890 по 1914 годы были такими же, как темпы в период любой пятилетки советского режима. Если бы не было Революции и социализма, экономический и индустриальный статус России был бы определенно выше, чем нынешний. В этом случае рост был бы достигнут мирно, бескровно, без миллионов жертв, несказанных страданий, невероятной жестокости и зверств.

В. Революция обещала ликвидировать политическое самовластие, деспотическое правительство, смертную казнь и другие формы принудительного наказания. И она гарантировала максимум свобод для населения.

...Правительство сатрапов Революции наслаждается безграничной свободой от любых ограничений, навязанных ему народом. А народ имеет минимум свободы от правительства.

С. В течение 30 лет Революции ее правительство казнило по крайней мере от 1 до 1,5 млн. своих граждан непосредственно, уничтожило гораздо больше миллионов косвенно: арестовало, лишило свободы, изгнало их; принудительно выслало несколько миллионов из одного района в другой. В общем, не только в абсолютных цифрах, но даже в процентах к всему населению, вряд ли был в истории России тридцатилетний период, который мог бы соперничать в этом отношении с тридцатью годами революции...

Д. В то же время Революция не ликвидировала эксплуатацию. Она только заменила ограниченную эксплуатацию наемных работников частным работодателем (бедняка богатым) неограниченной эксплуатацией народа его правительством...

Е. Революция не ликвидировала социальное неравенство, социальные категории и классы. С точки зрения доходов и уровня жизни населения Россия сегодня представляет высокую экономическую пирамиду с широким слоем бедняков и значительно более узким слоем различных зажиточных категорий вплоть до миллионеров, состоящих главным образом из высших коммунистов и «специалистов» (попутчиков).

...Дореволюционная Россия имела около 3—4 млн. царской знати. Современная Россия имеет от 5 до 6 млн. коммунистической знати. Это новое дворянство гораздо более привилегированное, чем царское. Действительно, оно уже стало в значительной степени наследственной знатью с несколькими образовательными и другими привилегированными институтами, открытыми только для ее потомков. В сотнях других форм социальное неравенство и стратифицированное классовое и полуклассовое общество процветает в России в течение этих 30 лет «революционного выравнивания».

Причины успеха Революции в сфере разрушения и неудачи в сфере созидания

Поскольку чувственный уклад западной, а в связи с ней и восточной культур и социальных институтов находятся в процессе дезинтеграции и сама Революция и обе мировые войны являются наиболее существенными проявлениями этой дезинтеграции, зримый успех Революции в сфере разрушения целиком обязан болезни находящейся в упадке чувственной культуры институтов и личности. Будучи порождением этой болезни, Революция после ее возникновения стала в свою очередь одним из центральных микробов «инфекции» в западном и восточном мирах. Она помогла дезинтегрировать то, что уже отпадало и неизбежно умерло бы само, если бы не было Русской Революции.

...Это общее состояние дезинтеграции объясняет беспрепятственные потрясения, социальные волнения и взрывы по всей планете: в Европе, Азии, Африке и даже в Америках. Это объясняет и то, почему провалились попытки остановить эти потрясения. Произошло это не потому, что лидеры антикоммунистических или антиреволюционных движений были более глупы или менее удачливы, чем Ленин, Сталин или коммуни-

стические лидеры в Китае и Индокитае, но потому, что антикоммунистические и антиреволюционные лидеры старались совершить невозможное, а именно — оживить труп. В такой ситуации могильщики и черви всегда более удачливы...

Причины для провала революции в сфере созидания также лежат на поверхности. Так как Революция — одно из главных проявлений смерти чувственного порядка, такая агония по самой своей природе не может быть созидательной. По той же причине обе мировые войны были неисчислимо более разрушительны, чем созидательны...

Перевод В. Ильина